

В. Вересаев

В. ВЕРЕСАЕВ

9 $\frac{373}{1206}$

801-16

1292

Воспоминания

издание
третье,
дополненное

ОГИЗ

Государственное Издательство
Художественной Литературы

Москва-Ленинград 1946

Как? Что? Расспрашивает, рассказывает про себя: занимает какой-то важный пост в железнодорожном ведомстве. Протянул руку.

— Ну, до свиданья! Как-нибудь заходите. У меня тут на путях свой вагон. Поболтаем, чайку попьём с коньячком.

Конечно, сейчас он куда-нибудь спешил. Но как, как мог он, глядя на меня, не почувствовать, чем был бы для меня, — вот теперь, сейчас, — стакан чаю?

ВЕРА ЗАСУЛИЧ

В июле 1877 года, по приказанию петербургского полицмейстера генерала Трепова, был высечен в тюрьме политический заключённый, студент Боголюбов. 24 января 1878 года молодая девушка Вера Засулич явилась к Трепову в качестве просительницы и в тот момент, когда он принимал от неё бумагу, выстрелила в него из револьвера и ранила. Затем бросила револьвер и спокойно дала себя арестовать. На допросе она заявила, что стреляла в Трепова за Боголюбова, что лично Боголюбова не знает, а мстила Трепову за издевательство над политическими заключёнными. Решено было судить Веру Засулич судом присяжных. Министр юстиции граф Пален ручался царю за обвинительный приговор. Однако фактическим обвиняемым на суде оказался, вместо Веры Засулич, генерал Трепов. Присяжные вынесли Вере Засулич оправдательный приговор, встреченный общими рукоплесканиями. По приказанию председателя Засулич была освобождена. На улице, при выходе из здания суда, её ждали жандармы и хотели арестовать. Но толпа вступила с жандармами в свалку и отбила девушку. Она успела сесть в приготовленную карету и скрыться. Через некоторое время ей удалось бежать в Швейцарию. Дело Веры Засулич вызвало огромную сенсацию и прославило её на весь мир.

За границу Вера Ивановна прожила более двадцати лет. С зарождением русского марксизма она всею душою примкнула к этому течению и вошла в группу «Освобождение труда», во главе которой стояли Плеханов и Павел Аксельрод. После 1905 года Засулич получила возмож-

ность возвратиться в Россию и уже безвыездно прожила в ней до самой смерти.

Однако приезжала она однажды в Россию и раньше, до своего легального возвращения. Было это зимою 1899-1900 г. Целью её поездки было установить непосредственную связь с работавшими в России социал-демократами, лично ознакомиться с их настроениями и взглядами и выяснить им позицию группы «Освобождение труда» в возникших за границею конфликтах. Жила она, конечно, по подложному паспорту, и только несколько человек во всём Петербурге знали, кто она. В это время я с нею и познакомился.

Невысокая седенькая старушка, небрежно причёсанная, кое-как одетая, с нервно подёргивающеюся головою, постоянно с папирскою во рту. Говорила она быстро, слегка как будто захлёбываясь. Но улыбка у неё была чудесная — мягкая, застенчивая и словно извиняющаяся. Она была умна, образованна и остроумна, спорила искусно, возражения её были метки и сильны. Но высказывала она их с этою милою своею улыбкою, словно извинялась перед противником, что вот как ей это ни тяжело, а не может она с ним согласиться и должна ему возражать.

Скромна она была необычайно, к всемирной известности своей относилась с усмешкою: мало ли в семидесятых годах было террористических покушений, мало ли было революционеров, действовавших гораздо искуснее и смелее её, — а имена их никому почти не известны. Своею же славою она обязана чистейшему случаю, — что царскому правительству вздумалось применить к ней «народный суд» и попытаться показать Европе, что сам русский народ и общество относятся отрицательно к кучке баламутов-революционеров.

До известной степени Вера Ивановна была права: конечно, если бы её судили обычным негласным судом, имя её было бы известно только людям, специально интересующимся историей русской революции. И всё-таки мало я видел людей, которые бы так скромно и даже неохотно несли выпавшую на их долю известность. Слава иногда портит и уродует даже самую хорошую душу. Когда все кругом потихоньку указывают друг другу на знаменитого человека, когда почтительно прислушиваются

к каждому его слову, гордятся и хвалятся знакомством с ним, то очень много нужно душевной силы, чтобы не стать суетным, тщеславным и нетерпимым. Вот в чём несколько не была грешна Вера Ивановна. Она была так застенчиво-скромна, так всегда старалась держаться в тени, что иногда с нею случались довольно-таки курьёзные недоразумения.

Мы, петербургские литераторы-марксисты, группировались тогда в кружок, собиравшийся обыкновенно у А. М. Калмыковой, известной деятельницы по народному образованию.

Был, между прочим, в нашем кружке один молодой критик и публицист — человек талантливый, с самостоятельной мыслью, с интересными переживаниями. Но была у него одна очень неприятная черта: он умел быть внимательным, чутким собеседником с лицами, которые его интересовали. Но с людьми, ему неинтересными, он держался не то чтобы высокомерно или небрежно, — а просто они для него совершенно не существовали, были пустою, которой он даже не замечал. В то время его особенно интересовал вопрос о различии морали старого народничества и нового народившегося марксизма. Характерною чертою народничества, как течения чисто интеллигентского, он считал «болезнь совести», особенностью социал-демократизма — «болезнь чести»: старый народник-интеллигент шёл в революцию вследствие поруганной совести — нужно бороться за страдающий и угнетённый народ. Новый революционер, рабочий, идёт в революцию вследствие поруганной чести: такие же люди, как все, мы не хотим больше страдать и терпеть угнетение. На эту тему приятель наш вёл в то время журнальную полемику с Н. К. Михайловским. На эту же любимую свою тему заговорил он и в нашем кружке при Вере Ивановне. Говорил он много и с одушевлением. Вера Ивановна несколько раз пыталась ему возражать, но он только сверкнёт пренебрежительно своим пенсне на скромную старушку в углу, неохотно протянет:

— Да-а, пожалуй!

И, даже не удостоив выслушать её, продолжает говорить сам или слушать возражения противников, которые его интересовали. И Вера Ивановна сконфуженно умолкала.

Прошло с год. Однажды, беседуя на ту же тему, он говорит мне:

— Знаете, с кем бы мне всего интереснее было поговорить об этом? С Верой Засулич. Вы помните, как её списывает Степняк-Кравчинский в «Подпольной России»? И такой человек, с чисто народнической душою, стал социал-демократом! Правда, интересно бы с нею поговорить? Ей-богу, готов бы за границу поехать, только чтоб с нею побеседовать.

Я лукаво говорю:

— Вы с нею беседовали год назад. И как раз на эту тему. Только не пожелаали её слушать.

— В чём соль вашей шутки? Не понимаю.

Вера Ивановна давно уже уехала за границу, конспирировать было нечего. Я напомнил приятелю о скромной старушке в уголке на одном из наших прошлогодних собраний.

— Это была Вера Засулич.

Он вскочил.

— Да нет! Да неужели же! Я припоминаю, в уголке сидела какая-то серая старушонка. Я про неё спросил Калмыкову, она сказала, что это её родственница из провинции. Ах ты, досада! В одной комнате с нею просидел целый вечер!..

После революции 1905 года Вера Ивановна получила возможность легально воротиться в Россию. Она поселилась в Петербурге. Сотрудничала в социал-демократических журналах и газетах, много переводила, но, сколько мне известно, активно в партии уж не работала.

В Тульской губернии у близких моих родственников было небольшое имение. Молодёжь этой семьи деятельно работала в революции, сыновья и дочери то и дело либо сидели в тюрьмах, либо пребывали в ссылке, либо скрывались за границей, либо высылались в родное гнездо под гласный надзор полиции. Однажды летом к одной из дочерей приехала туда погостить Вера Ивановна. Место очень ей понравилось, и она решила тут поселиться. Ей отвели клочок земли на хуторе, отстоявшем за полторы версты от усадьбы.

В убогой своей избушке она писала и переводила. Способ работы у неё был ужасный. Когда Вера Ивановна писала, она по целым дням ничего не ела и только непре-

рывно пила крепчайший чёрный кофе. И так иногда по пять-шесть дней. На нервную её организацию и на большое сердце такой способ работы действовал самым разрушительным образом. В жизни она была удивительно неприхотлива. Сварит себе в горшочке гречневой каши и ест её несколько дней. Одевалась она очень небрежно, причёсывалась кое-как.

Раз идёт по тропинке через зреющую рожь крестьянская баба. Вдруг ей навстречу простоволосая растрёпанная старуха с трясущеюся головою, с торчащим изо рта зубом. Настоящая баба-яга. Женщина шарахнулась в рожь.

— Мать честная!.. Да воскреснет бог!..

Но душа этой неизящной на вид старухи была удивительно изящная и тонкая. То сравнительно немного, что она написала, написано изящно и умно, переводы её очень хороши. Вера Ивановна чувствовала красоту во всём. Но особенно она любила её и чувствовала в русской природе. На своём небольшом клочке земли она развела садик и с утра до вечера копалась в нём. Никогда в жизни не видел я такого оригинального садика. Там было мало обычных садовых цветов — всех этих левкоев, настурций, резеды. Но очень много было цветов полевых и лесных. Понравится ей цветок где-нибудь на меже около ржи, на луговом откосе или в лесной ложинке под кустом орешника, — Вера Ивановна бережно выкапывает его и пересаживает к себе в садик. И здесь, на хорошей земле, при тщательном уходе, цветок развивался так пышно, что нельзя было его и сравнивать с братьями его, жившими на воле. Она очень этим гордилась. Однажды она мне сказала:

— Вот так и с людьми. Дать им подходящие условия, поставить в нужную обстановку, — и как они могут быть прекрасны!

ВЕРА ФИГНЕР

Я с нею познакомился, помнится, в 1915 или 1916 году. На каком-то исполнительном собрании в московском Литературно-художественном кружке меня к ней подвёл и познакомил журналист Ю. А. Бунин, брат писателя. Сидел с нею рядом. Она сообщила, что привезла

с собою из Нижнего свои воспоминания и хотела бы прочесть их в кругу беллетристов. Пригласила меня на это чтение — на Пречистенку, в квартире её друга В. Д. Лебедевой, у которой Вера Николаевна остановилась.

Подошёл Ю. А. Бунин. Маленький, кругленький, с всегда благожелательною улыбкою на красненьком лице. Типичнейший во всём москвич.

— Вера Николаевна! На вашем чтении очень хотел бы присутствовать Сергей Сергеевич Голоушев — известный художественный критик Сергей Глаголь.

Вера Николаевна подняла голову и прищурила глаза.

— Это тот, который был в процессе ста девяноста трех, а потом служил полицейским врачом? Нет, избавьте!

Так это было не по-московски! Во-первых, ну, полицейский врач, — что же из того? А во-вторых: счёл человек нужным почему-нибудь отказать, — и лицо станет растерянным, глаза забегают... «Я, знаете, с удовольствием бы... Но, к сожалению, помещение тесное... Несмотря на всё желание, никак не могу...» А тут, как острым топором отрубила: «избавьте!»

На чтении присутствовали, сколько помню, В. Я. Брюсов, И. А. и Ю. А. Бунины, Б. К. Зайцев, А. С. Серафимович, Н. Д. Телешов, А. Н. Толстой, И. С. Шмелёв и др. Один из товарищей, впервые увидевший Веру Николаевну, был изумлён безмерно:

— Я думал, увижу косматую, безобразную нигилистку, с грязными ногтями, размахивающую руками, и вдруг, — какая красота, какое изящество!

И правда: ей было за шестьдесят лет, но и теперь она поражала сдержанно-гордой, властной красотой и каким-то прирождённым изяществом. Что же было, когда она была молода!

Она невысокого роста. Губы решительные, властные, во всём что-то благородно-соколиное. Но иногда при разговоре вдруг брови поднимаются, как у двенадцатилетней девочки; и всё лицо делается трогательно-детским.

Но какая красота! Какая красота!

Передо мною два её портрета. Они помещены в первом томе Полного собрания её сочинений.

СОДЕРЖАНИЕ

I. В юные годы	5
II. В студенческие годы	
В Петербурге	203
В Дерпте	311
III. Литературные воспоминания	
Н. К. Михайловский	357
В. Г. Короленко и Н. Ф. Анненский	383
Н. Г. Гарин-Михайловский	391
Вера Засулич	392
Вера Фигнер	396
П. С. Ивановская	409
Два побега	411
П. Г. Смидович	419
Сальвини — Отелло	421
Молодой Художественный театр в Петербурге	426
Орленев. Бравич	428
Певцы	431
Московский Литературно-художественный кружок	434
Ф. Н. Плевако	441
С. Т. Ковенков	442
Волнухин	443
Леонид Андреев	444
Туча и зорька	472
Около литературы	483
Около шампанского	485
Р. М. Крив	486
Лев Толстой	487
А. П. Чехов	499
«Записки врача»	502

Отв. редактор *Сидоров.*

Подписано к печати 23/IV 1946 г. М 01633. Тираж 65000 экз. Печ. листов 32.

Отпечатано с матриц в тип. № М-119.